

ГЕНРИ СИРИЛ

80
СИГАРЕТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С40

Сирил, Генри.

С40 80 сигарет / Генри Сирил. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-210318-6

Матерый уголовник по кличке Токарь планирует ограбить наркоторговцев и выгодно перепродать их товар. Предвкушая удачную аферу, Токарь берет с собой на дело случайную попутчицу красавицу Нину. Операция удастся. Но в пылу разборок и любовных утех он не замечает, как сам становится жертвой. Его новая подруга Нина — совсем не та, за кого себя выдает. Токарь с ужасом узнает ее страшную тайну, после чего для него остается только один выход — смерть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210318-6

© Сирил Г., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Токаря вырвало кровью.

Он разлепил веки и беспомощно посмотрел по сторонам.

Нина сидела за столом. Перед ней стояла бутылка коньяка «Бисквит», почти полная. В руках девушка держала бутерброд с колбасой. Глядя на зашторенное окно, она неторопливо откусывала от бутерброда небольшими кусочками и запивала коньяком.

— Ни... Нина, — позвал ее Токарь. В горле что-то заклокотало, он закашлялся. Из рта вырвался сгусток темной крови.

Нина встрепенулась.

— Ой, милый, ты очнулся! — Она быстро запихала в себя остатки бутерброда. — Наканефто, — радостно сказала с набитым ртом. — Ну и беспорядок вы тут устроили, ужаф. Ты только глянь. Ох уж мне эти brutальные альфа-самцы. А убираться, конечно, всегда нам приходится, вашим женщинам.

— Нинок, мне, по ходу, врач нужен. — Токарь оттянул ворот футболки и посмотрел на свои раны. «Херово, очень херово», — подумал он, глядя на две небольшие дырочки в животе, из которых толчками вытекала кровь.

Он попробовал встать, приподнялся на руках и, застонав, свалился обратно: боль, совершенно невыносимая,

пронзила его живот, словно кишки накручивали на раскаленный докрасна стальной вертел.

Нина взволнованно посмотрела на него.

— Боже, я надеюсь, ты не подумал, что я сержусь на тебя за этот бардак, нет?

Забыв о боли, Токарь изумленно вытаращился на девушку в надежде, что ему послышалось.

— Что?

— Я говорю, что не сержусь на тебя за то, что вы тут устроили, не думай, будто я какая-то там белоручка, я все уберу, а ты отдыхай. Впрочем, — она погрустнела, — кому это теперь нужно?

— Какая уборка, Нина? Ты рехнулась?! Че ты несешь?.. кхе-кхе... мне к доктору надо, ты не видишь, что ли? Тут, кажись, все очень плохо.

Нина глотнула коньяк из бутылки, поморщилась и встала из-за стола.

— Вот откуда? Откуда, спрашивается, у Марины может быть дорогой коньяк? Водка там, самогон или простенькое винишко — это я понимаю, но бутылка «Бисквита», — она хохотнула с веселым изумлением, — это просто чудо, я...

— Ты спятила, что ли?! — собрав последние силы, крикнул Токарь. Его вновь засасывало в черную бездну беспмятства. Он встряхнул головой, сплюнул сгусток бордовой пенящейся крови и обессиленно откинулся головой на печку.

Нина умолкла. Она смотрела на Токаря глазами обиженного ребенка, на которого накричали ни за что ни про что суровые родители.

— У тебя крышка поехала? — слабо сказал Токарь. — Я, блять, кровью истекаю. У меня в животе две пули.

Я могу кишки свои пальцем потрогать. Что с тобой, твою мать?!

— Я просто подумала, что тебя это тоже обрадует, поднимет настроение, — она поджала губы, стараясь не разреветься от обиды, — ну и ладно, — плюхнулась на диван, щелкнула пультом от телевизора и, нахмурившись, принялась беспрерывно листать каналы.

Токарь не верил своим глазам.

— Ты че делаешь? Ты... ты собираешься смотреть телик?

В ответ Нина фыркнула:

— Я с тобой не разговариваю.

«Она не *играет*, — в полном изумлении понял Токарь, — она действительно не в себе!»

Страх комом застрял в его горле.

Пролог

— Я прошу прощения, но в нашем ресторане не курят. Потушите, пожалуйста, сигарету.

— Да отдыхай. Мы тут вдвоем. Кому мешаем?

— И все же. Вам стоит потушить сигарету.

— Те делать больше не хуй? Заказ лучше прими. Две бутылки минералки — любой, холодной, и че-нить пожрать на твой выбор.

— Простите, но я вынужден позвать...

— Слышь, отъебись, олень, пока я тебе ебасос не разбил! И так башка трещит, еще и ты меня дрочить будешь?

— Винстон, ну его в жопу. Лучше потуши. За последние шесть лет много че поменялось. Ща ваще нигде курить нельзя. А у меня нет настроения пиздить охранника.

— Че за дерьмо?! Ладно, вот. Доволен? Теперь пиздуй за заказом. С ума, блять, сойти можно! На зоне и то свободы больше было. Токарь, есть че-нить от башки?

— Не-а.

— Отвык я от похмелья. Ладно. Короче, слушай. Ты помнишь Мишку-цыгана?

— Мишку, Мишку... Барыгу этого всесоюзного, что ли?

— Да.

— А то! Хе-хе. Этот гондон в свое время половину Подмосковья героином завалил. Почти все точки его были.

— Угу. Он в прошлом месяце тянул большую «коляску» в лагерь. «Пороха» могло бы хватить для того, чтоб вся зона неделю летела не просыхая.

— Ваша вода. Завтрак будет готов через пару минут.

— Исчезни... Так вот, не знаю, че там у него произошло — слил кто или сам очка пронес, только въебался наш Мишка с «порохом» этим. Прямо оперку нашему и въебался.

— Это которому? Зорину, что ли?

— Да, братан, ему, родимому. Вот тоже сучонок, хе-хе, как еще до сих пор сам не сел. Ведь ни хера не боится! Думает, Бога за яйца поймал. В общем, Зорин, долго не думая, такую сумму цыгану заломил, что у бедолаги глаза на лоб полезли. Он давай объяснять Зорину, что нету у него столько денежек, а тот ни на рубль не уступает, говорит: если не хочешь, мол, по-хорошему, то я делу ход даю, и тогда пиздец тебе, «Пабло», десятка — это как минимум... Гл-гл-гл... А-а-а-х... Хорошо. Эй, длинный! Водички повтори.

— А сколько Зорин хотел-то?

— Я не знаю, но думаю, ой как немало. Мишка ведь не из жадности рогом уперся. Видать, и вправду цифра для него неподъемная, а он — ты сам знаешь — далеко не бедный. Разумеется, Мишка мог плюнуть на все и слить, к хуям, Зорина фээсбэшникам — да и дело с концом: впаяли бы обоим по самые яйца.

— Ваш завтрак: омлет с...

— Хер ли ты все комментируешь? По-твоему, я бы не догадался, что это такое? Свободен.

— Да-а-а, Винстон, рискует оперок наш. Ва-банк прет. К пенсии, наверное, готовится.

— Не скажи. Зорин не дурак, даром что мент. Он прекрасно понимал, что́ и кому предлагал. Мишке пара месяцев до «звонка» оставалась. Ясно как день — жопу порвет, но найдет деньги. Понимал, что дело его труба, что бабки надо достать — кровь из носу, иначе запустит его Зорин в такую пиздорезку, какая ему только в кошмарах снилась. Сидеть будет до второго пришествия. Это если повезет.

— Ну а мы-то здесь при чем?

— А при том, кенток, что денег таких у цыгана попросту нет. Зато он знает, где их по-легкому взять можно. О чем и рассказал Зорину. А он — мне.

— Ну?

— Баранки гну. В эту субботу Мишка ждет большую партию герыча. Фуру с грузом будут встречать его люди на двести пятидесятом километре трассы М4. Там гостиница есть небольшая. Говенная, но это и неважно. Ты едешь туда за сутки до назначенной встречи барыг — так, на всякий случай. Снимаешь номер и ждешь меня. Я приеду на следующий день, мне нужно будет задержаться в городе. Затем мы дожидаемся, когда те, кто приедет забирать товар, перекидают его к себе в тачку, валим их...

— ...и забираем товар себе.

— Да.

— Винстон, а-а... ты доверяешь Зорину? Он же мент.

— Ха! Мент он только по документам. Этот мудака столько всего наворотил за свою оперскую жизнь, что не каждому отморозку снилось. Да че я тебе рассказываю! Мы же вместе с тобой несколько раз по его наводкам двигались. И всегда удачно, забыл?

— Ни хера я не забыл. Просто хочу до конца во всем разобраться. Например, мне непонятно, зачем такой ого-

род городить. Если, ты говоришь, у руля Мишка стоит, почему бы ему просто не отдать товар?

— Ну пиздец, прилетел уютю в голову. Как ты себе это представляешь? Мишка, конечно, у руля, но он ведь не один верховодит. Там народу тьма-тьмушая задействована. Что он им всем скажет? «Большое спасибо за помощь, а теперь отвезите весь героин по такому-то адресу и можете быть свободны». Так, что ли?

— Винстон, даже полному дебилу сразу станет понятно, кто стоит за налетом.

— Объясняю для особо тупых. Во-первых, не факт, что все стрелки на Зорине сойдутся, а уж на нас — тем более. Мало ли кому еще это может быть на руку. Там их, блять, целый табор, а бабки огромные. А во-вторых, даже если и допрет до этих индейцев, что сам же Мишка их и кинул, то тебе ли не похер? Пускай его хоть раком к стенке ставят, ебут и пытаются. Откуда цыгану знать, кого там Зорин к теме подключил? Или, ха, ты думаешь, они и мусора пытаться станут? Яиц не хватит с Зориным связываться.

— Ну хуй его знает. Сам же говоришь — бабки немалые.

— Токарь, с каких это пор... Че ты опять приперся? Мы тебя звали?

— Извините, я закрываю смену. Не могли бы вы расчитаться?

— Ебать ты прилипчивый. Сдачу оставь. Все, нарисуй сквозняк... С каких это пор ты такой ссыклявый стал, а, Токарь? Хотя пускай тебя это не беспокоит. Я знаю, как нам подстраховаться.

— Ты о чем?

— Неважно. Тебе сейчас на своей роли сосредоточиться нужно.

— Ладно, еще пара вопросов.

— Валяй.

— Какой план? Я имею в виду детали.

— Об этом после поговорим, на свежую голову. Что еще?

— Что мы будем делать со всем этим говном?

— Не парься. Я уже обо всем договорился.

— Шустрый какой. Когда успел? Вчера только откинулся.

— Вчера и успел. Еще с зоны сделал пару звончков. Кстати, это еще одна причина, почему Зорин подтянул именно меня. Я знаю, куда «порох» скинуть по-быстрому. Один очень крупный барыжка заберет его. Хоть и по дешевке, зато сразу и весь.

— Я еще, блять, героином не банчил...

— Эй! Ты эту херню для малолеток оставь. Мы же не собираемся им торговать. Просто отберем у одних барыг и отдадим другим. А нам за это денежка. И давай без блевотины этой, «банчил, не банчил». Знаешь, какие там бабки?

— Вот, кстати, нет. Какие?

— Даже при том, что скинем мы его за гроши, получится по двести кусков зелени на рыло.

— Сколько?!

— Че орешь-то? Хе-хе, вот и я о том же.

— Но по-любому думать, братан, надо.

— Ну, думай, думай. Только недолго. Край — до завтра. Есть анальгин?

— Да нету у меня. Ты уже спрашивал.

— Блять.

*На свете найдется немало людей,
для которых мертвый враг испуска-
ет благовоние и которые в мести
находят мускус и янтарь.*

Томас Браун

Часть первая

ЗАПАХ МУСКУСА

ГЛАВА 1

Новенький черный «Ниссан Патрол» неожиданно свернул на противоположную сторону междугородней трассы и резко затормозил. Машина чудом не зацепила летние столики придорожной кафешки. Посетители повскакивали со своих мест. Кто злобно, кто в недоумении — люди смотрели на подъехавший внедорожник. Поднятая машиной пыль медленно оседала на тарелках с завтраками.

Из «Патрола» вышел мужчина средних лет и тут же, вытащив из кармана спортивных штанов четки, принялся виртуозно перебрасывать их между пальцами, покрытыми выцветшими бледно-зелеными наколками.

Его звали Токарь.

Без тени сожаления, обнажив два ряда тускло поблескивающих на солнце металлических зубов, он бросил:

— Не обессудьте, работяги! В последний момент решил тормознуть и похавать.

Посетители, хмурия брови и возмущенно покачивая головами, стали возвращаться на свои места.

— Тормознуть он решил, — пробурчал мужчина, чей столик ближе других стоял к дороге. Он с досадой смотрел на покрытые пылью кусочки шашлыка, в нерешительности ковыряя их пластиковой вилкой.

Глаза Токаря мгновенно заблестели злобой. Чуть щурясь от яркого солнечного света, он вгрызся страшным взглядом в дерзкого дальнбойщика и процедил:

— Че ты там булькнул?

Мужик удивленно обернулся. Внезапная агрессия со стороны Токаря выбила его из колеи. Он хотел было что-нибудь ответить на оскорбление, но, увидев перекошенное гневом лицо Токаря, лишь глупо промямлил:

— Ты мне?

— Тебе-тебе, хуйло. — Токарь сделал шаг в его сторону. — Я же извинился вроде. Чем ты еще недовольна, лошадь?

Перепуганная физиономия мужичка забавляла его.

— Скотина ебучая.

Мужик перестал крутить головой и вновь устался в свою тарелку, будто искал в ней выход из положения.

Подойдя вплотную, Токарь навис над дальнбойщиком.

— Хули ты отвернулся? В лицо смотри, когда с тобой люди разговаривают.

Но тот упорно продолжал буравить тарелку бессмысленным взглядом, словно надеясь, что, если притвориться слепоглухонемым, Токарь отстанет от него или вообще растворится, как мираж.

Знакомый Токарю ступор. У мужика не хватает духу ни на какие ответные действия, но остатки гордости не позволяют ему убежать или умолять оставить его в покое. Так и будет сидеть с тупой покорностью коровы, принимая на

свою морду слабенькие, в пол токаревской силы, удары. Может, выставит вперед свои ручонки в бесполезной защите. И уже не будет думать ни о гордости, ни о чести, лишь бы его перестали бить. Знал Токарь и то, что, как только он уйдет, мужик этот начнет поносить его на чем свет стоит, стараясь изо всех сил убедить в первую очередь самого себя в том, что он вовсе не струсил, а просто «не желал связываться с дураком», что, если бы только захотел, мог бы запросто разбить Токарю рожу, просто «на фига мне это надо, зашиб бы придурка ненароком, а потом сиди из-за него, уroda такого» — и прочая подобная жалкая болтовня.

Молодая парочка за соседним столиком (задроты — мимоходом окрестил их Токарь про себя за огромные диоптрии на их переносицах), не доев завтрак, собрала свои вещи и поспешила к желтому «Форду Фокусу».

Токарь уже собирался отвесить притихшему дальнотбойщику унижительный подзатыльник, как в этот самый момент услышал позади себя щелчок открываемой дверцы своей машины.

Он обернулся.

ГЛАВА 2

Из машины выглядывала девушка. Она без особого интереса посмотрела по сторонам и, оттолкнувшись руками от сиденья, по-мальчишески ловко прыгнула на пропыленную землю.

Забыв о своем случайном маленьком развлечении, Токарь — а вместе с ним и все остальные — восхищенно смотрел на свою спутницу. Три дня — слишком короткий срок, чтобы привыкнуть к ее красоте.

Теплый ветер трепал ее длинные черные волосы. Смешиваясь с запахом жаренного на углях мяса, до посетителей долетал тонкий аромат дорогих французских духов с нотами фиалки и малины. Девушка вскинула пышные ресницы. Взгляд больших изумрудных глаз лениво скользнул по столикам кафе. Искрясь на солнце, капелька пота сбегала по ее шее цвета бронзы. Слегка приоткрытые сочные губы небрежно сжимали за кончик фильтра тонкую сигарету.

— Токарь, милый, успокойся, пожалуйста, — ласково произнесла девушка. — Пойдем лучше завтракать. Я ужасно проголодалась.

Голос ее был чуть низкий, с сексуальной хрипотцой.

Девушка с наслаждением втянула носом теплый воздух. Сцепив руки над головой, она завела их немного за спину и сладко потянулась.

Ее звали Нина. Ей было двадцать восемь.

Она любила живопись каких-то там «...истов» и «английский рок», что бы это ни значило, итальянскую обувь и еду из фастфуда, дорогие сумочки ручной работы и неразбавленный виски. Курила тонкие сигареты, отрывая половину фильтра для крепости. Хреначила в кофе молока больше, чем воды, и терпеть не могла чай.

Это все, что успел узнать о ней Токарь за те несколько дней, что они были знакомы.

Потянувшись, Нина опустила руки и одарила Токаря усталой, но обворожительной улыбкой. Пряди волос, потревоженные ветром, скрывали часть ее лица. Она откинула их рукой, открыв аккуратные уши, украшенные скромными серьгами-гвоздиками с бриллиантовой крошкой.

— Пойдем, — мягко и одновременно требовательно повторила Нина Токарю, который все еще продолжал

грозно возвышаться над униженным дальнобойщиком.

Голос ее слегка дрожал.

Возможно, причиной тому была долгая утомительная дорога. А может быть, девушку просто смущали раздевающие взгляды всех этих мужчин. Во всяком случае, одно можно было сказать с абсолютной уверенностью: она явно не хотела, чтобы это заметил Токарь, ибо, как только Нина уловила предательские нотки в своем голосе, она тут же замолчала, еще шире улыбнулась и, подцепив сумочку, решительно направилась к кафе.

Великолепно сложенная, черноволосая, с медовой кожей, Нина была столь хороша, что даже напуганный Токарем мужичок, осмелев, отлепился от своей тарелки и осторожно покосился на ее бедра, когда она, еле заметно прихрамывая на левую ногу, проходила мимо него. Токарь же сверлил ее взглядом совершенно открыто, в глубине души надеясь тем самым привлечь внимание и других мужчин к ее формам.

Одета Нина была по-летнему просто, но со вкусом. Легкие светло-синие джинсы выгодно облегали ее округлые ягодицы и стройные ноги. Тонкую талию обтягивала майка «Ив Сен-Лоран» кремового цвета, а и без того высокий рост увеличивали агрессивно-сексуальные туфли от «Вера Вонг», крутым подъемом и дизайном в целом напоминающие туфли стриптизерши.

У дверей она обернулась.

— Да плюнь ты на него, в самом деле. Я думаю, он и так уже осознал, кто тут полное ничтожество.

На этот раз голос ее звучал уверенно, даже немного игриво.

Но Токарь не спешил. И хотя в его глазах уже не было той злобы, что пару минут назад, он все-таки мешкал, переводя взгляд с Нины на свою жертву и обратно. Несколько раз он цыкнул языком, как бы раздумывая, а затем сплюнул мужику под ноги, ставя унизительную точку в конфликте. После этого Токарь развернулся и, шаркая подошвами, неторопливой расхлябанной походкой направился к своей попутчице. Кисти рук небрежно повесил на поясе спортивных штанов, просунув большие пальцы под резинку. На его лице играла самодовольная ухмылка.

Дальнобойщик облегченно выдохнул.

— Ебло тупое, — долетели до него слова Токаря. Он говорил это Нине подчеркнуто громко. — Все-таки стоило ему, Нинок, шелкнуть разик-другой, чтобы больше так густо с людьми не базарил.

— Ой, да ну его в баню, — ответила девушка, пряча глаза за черными стеклами очков. — Пойдем уже.

Хмыкнув, Токарь смачно чмокнул Нину в шею и, положив руку ей на плечи, носком кроссовки пихнул входную дверь. В обнимку они перешагнули порог придорожной кафешки.

ГЛАВА 3

Я стараюсь сконцентрироваться на какой-нибудь одной мысли. Это совершенно невозможно сделать. В голове стоит такой шум, будто это и не голова вовсе, а долбаный торговый центр во время распродажи в выходной день.

Пытаюсь думать о своих друзьях, но тут же отвлекаюсь на причудливой формы плесень, что разрослась почти по всей стене слева от меня.

И вот я уже думаю о ней — о плесени.

Вонючая мерзкая слизь занимает мое внимание всего мгновение, а затем я замечаю кита. Такого, знаете, с плоской мордой, словно он с размаху врезался в бетонную стену. Таких китов еще в мультфильмах рисуют. Мне кажется, в реальности их и не существует — с такими рожами. Сверху на ките почему-то стоит человек с тростью и огромным, просто чудовищных размеров носом. Киту я несколько не удивлен. Сколы, трещины, облупившаяся штукатурка — они всегда получаются в виде этих огромных рыб. Я не жалею на воображение: в любой самой невзрачной кляксе или совершенно бесформенном клочке облака могу разглядеть целую вселенную. Но вот облезлая штукатурка на стенах всегда рисует этих чертовых китов. Почти всегда.

А еще уток.

Ну да бог с ними.

Солнечный свет проникает ко мне через небольшое окно, расположенное прямо под потолком. Словно через мясорубку, он проходит сквозь оконную решетку, превращаясь в тонкие светящиеся полосы.

Золотая вермишель.

К слову, получается не очень-то и красиво. Ничего завораживающего. Другое дело — пылинки. В воздухе их миллиарды. Они не заметны в полумраке моего «убежища» до тех пор, пока не попадут в иглы света. Эти иглы столь тонкие, что пылинки проносятся сквозь них за долю секунды и снова исчезают в полумраке. Их бесконечно много, и все они так быстро пролетают сквозь свет шинкованного солнца, что получается нечто вроде мерцания. Вот это красиво. Можно часами смотреть.

Мне должно быть страшно или, на худой конец, хотя бы грустно, но этого нет. Почему?

Ладно, я не психиатр. Не страшно — и не страшно: значит, так должно быть. Видимо, мозг специально блокирует страх в моменты особенно сильной опасности, чтобы человек в панике не наделал глупостей, а сосредоточился на главном вопросе: как не сдохнуть.

Хотя я, наверное, ошибаюсь. Потому что как раз на этом-то вопросе я и не могу сосредоточиться, вообще ни на каком не могу. А ведь сейчас самое время, иначе мне конец.

Меня тошнит. Но это не от голода. Не будем сгущать краски: в конце концов, я не узник Освенцима, с едой у нас тут полный порядок. В том смысле, что пайки большие. Хотя и совершенно невкусные. Блевотина — и та, наверное, вкуснее. Фу, сейчас точно стошнит...

Да, это не от голода. Это от... страха? Все-таки мне страшно?

Страх.

Ну разумеется, это он. Вот и хорошо. Значит, я все еще могу его испытывать.

Ха! Вы только посмотрите на меня, ха-ха! «Все еще могу его испытывать». Лицемерный засранец. Страх — это то единственное, что я вообще теперь могу испытывать. Последние несколько лет моей жизни превратили меня в вечно трясущийся кусок желе.

Зовите меня мистер Желе.

Впрочем, нет. Такое прозвище подходило ко мне в прошлом, ибо отныне я не желе, но Спартак! Раб, бросивший вызов господам, своим хозяевам.

Фу-у-у-х...